

Василий Катанян: Фотомемуары Вых. кн. 1. - 1999. - Июль-сентябрь. - С. 4.

За долгие годы работы в документальном кино режиссер Василий Катанян встречался со многими замечательными людьми — деятелями отечественной и зарубежной культуры.

Со временем образовался огромный фотоархив, кадры из документальных лент. При взгляде на них память возвращается к тем эпизодам, с которыми связаны съемки давних лет...

Голос, не похожий ни на чей

чет возраста: «Старушечья сошла с ума, играет любовные сцены, смеется, целуется... Как можно?»

Оказалось, что можно. И даже забываемо. И вовсе не «старушечья». Хотя Алисе Георгиевне в ту пору было за пятьдесят, в памяти осталась прелестная молодая женщина, пленительная, страстная, необузданная, страдающая, отчаявшаяся и страшная в своей смерти.

Коонен играла не госпожу, а мадам Бовари. Она была приподнята над провинциальностью, это была элегантная парижанка — туалеты, манеры, позы... Но стремления, идеалы, мечты — все было удивительно по Флосберу: «В этот час тысячи таких женщин томятся в маленьких городках Франции, мечтая об избраннике с лицом ангела и душой поэта».

...Вот идет она из глубины сцены под руку с Шарлем в розовом платье, в большой

розовой шляпе — красивая, молодая, очаровательная. В улыбке есть что-то от Марлен Дитрих. Двигается замечательно. Голос необычный, заораживающий, не похожий ни на чей.

В каждой картине, сказав последнюю реплику, Коонен тут же исчезала. Или моментально наступала темнота. Или падал занавес — после нее ничего не оставалось. Это, разумеется, было рассчитано и давало нужный эффект. Мейерхольд говорил: «Чем ближе вы стоите к двери, тем эффективнее уход. В кульминациях все решают секунды сценического времени и сантиметры пола сцены. Эту алгебру сценической не презирали ни Ермолова, ни Комиссаржевская, ни Ленский...» Ей следовала и Алиса Коонен.

...Свидание с Родольфом. Она одета пейзажной: в платочке, все шелковое, цвета

пальевые. Эмма вела диалог, медленно пересекая сцену слева направо, останавливалась у самой двери, оборачивалась к возлюбленному, шептала «до завтра» и моментально исчезала — слышалось только шуршание юбок... В зале спало напряжение, и он разражался аплодисментами.

Листались страницы трагедии — Коонен играла именно трагедию, а не драму. В черном платье с оборками, отороченными пепельно-серым, как бы обгоревшая, Эмма металась в поисках денег. Незабываем ее прзбег по полю: в глубине сцены в центре она бежала на одном месте — от ветра (ветродуя) развевалось платье, за спиной неслись черные тучи, звучала тревожная музыка... Это было сделано замечательно, и зал всегда аплодировал. Наконец, обессиленная, она падала и на коленях вопила: «Боже, что же мне

делать?! Что?»

...Поднявшись по лестнице к аптекарю, она будит служку и умоляет отдать ей ключ от шкафа, где лежит мышьяк, но слышит в ответ: «Мадам, я прошу вас... Мадам, не надо...» И тогда она обнимает влюбленного в нее Жюстена, она целует его долгим поцелуем — единственным и последним, неземным и смертельным — и, теряя сознание, он роняет ключ... Она набрасывается на банку с ядом, как безумная, она запускает туда руку и буквально «жрет» белый порошок горстями — торопясь, давясь, жадно, просыпая его на платье, на пол...

— Мадам, что вы делаете? — Молчи, иначе твой хозяин погиб... ТАК НАДО!!!

И уже обреченная, плача, со словами: «Все кончено» — медленно спускалась Коонен по винтовой лестнице — в темноту, как в преисподнюю...